

Валерий Киселев

«ЯСТРЕБ» В ЧЕЧНЕ

война на железных дорогах

Валерий Киселев

«Ястреб» в Чечне. Война на железных дорогах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31727399

ISBN 9785449072122

Аннотация

Сотни сотрудников транспортной милиции с 1994 по 2003 годы несли службу по охране стратегически важных объектов на железных дорогах Чечни. О событиях тех драматических лет, о службе отряда милиции особого назначения «Ястреб» на бронепоезде «Козьма Минин» рассказывает эта книга, составленная из воспоминаний участников событий и документов.

Содержание

1. «Козьма Минин» в броне 41-го	5
2. Перед грозой и Грозным	7
3. Сводный отряд	12
4. Хрупкий мир	27
5. Необъявленная война	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

«Ястреб» в Чечне

Война на железных дорогах

Валерий Киселев

© Валерий Киселев, 2018

ISBN 978-5-4490-7212-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Подразделения Волго-Вятского управления внутренних дел на транспорте в событиях на Северном Кавказе стали принимать участие задолго до начала контртеррористической операции в Чеченской Республике. Сотни сотрудников управления за период с 1994 по 2003 годы несли службу по охране стратегически важных объектов на железных дорогах Чечни. О событиях тех драматических лет, о службе отряда милиции особого назначения «Ястреб» на бронепоезде «Козьма Минин» рассказывает эта книга, составленная из воспоминаний участников событий и документов.

1. «Козьма Минин» в броне 41-го

Пройдет время и, быть может, рядом с легендарным бронепоездом «Козьма Минин», на котором наши земляки воевали в годы Великой Отечественной, встанет еще один с таким же именем.

Осенью 1941 года, в дни битвы за Москву, горьковские и муромские железнодорожники решили построить для фронта дивизион бронепоездов. В свободное от работы время труженики паровозных и вагонных депо, рабочие других предприятий железной дороги своими руками и на свои средства построили бронепоезда «Козьма Минин» и «Илья Муромец». Экипажи этих бронепоездов были сформированы из добровольцев-железнодорожников.

Так в действующей армии появился 31-й Особый Горьковский дивизион бронепоездов. Свой путь он начал на Волге, а закончил на Одере.

Формирование дивизиона было завершено 21 февраля 1942 года, а 4-го марта «Козьма Минин» и «Илья Муромец» выехали на фронт. В 1942-м году бронепоезда действовали на Брянском фронте, под Тулой и Мценском, поддерживали огнем части 3-й армии, прикрывали станции и мосты.

В 1943 году 31-й Особый дивизион бронепоездов принимал активное участие в Курской битве, внес достойный вклад в освобождение Орла. Через Брянск, Гомель, Мозырь

и Ковель пролегли боевые пути «Козьмы Минина» и «Ильи Муромца» в Польшу и Германию. В составе 47-й армии дивизион бронепоездов дошел до Франкфурта-на-Одере, где и закончил свой боевой путь.

В общей сложности за годы войны бронепоезда прошли 2400 километров. Командир дивизиона майор Владимир Морозов 9 мая 1945-го на митинге докладывал землякам: «Подразделения дивизиона сделали 150 мощных огневых налетов по противнику, уничтожили 15 немецких самолетов, 1650 солдат и офицеров, подавили и уничтожили 94 пулеметных точки, 42 артиллерийско-минометных батареи, 24 отдельных орудия, 14 дзотов, немецкий бронепоезд, склады боеприпасов. За мужество и отвагу, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, 86 процентов личного состава награждены орденами и медалями Советского Союза...»

Разъезжались по домам после окончания войны бойцы бронепоездов и вряд ли кто-то из них мог тогда предположить, что через 55 лет их потомки снова построят «Козьму Минина», но действовать ему доведется на территории России...

2. Перед грозой и Грозным

Командировки сотрудников Волго-Вятского УВДТ на Северный Кавказ начались задолго до первой чеченской кампании, начавшейся в декабре 1994 года.

Владимир Доброгорский, бывший начальник Волго-Вятского УВДТ, генерал-майор милиции:

– До событий в Чечне от нашего управления были командировки в Ингушетию, посылали туда несколько раз группы по 20 человек. Поэтому мы имели опыт организации таких поездок, знали, специфику действий милиции в межнациональных конфликтах. И все же в командировку в Чечню надо было по-другому готовить людей. У части моих подчиненных первое время имелись настроения бравады, в какой-то степени романтизма. Я в ходе встреч перед отправкой добивался, чтобы они почувствовали: на Северном Кавказе их ждет очень тяжелая работа. Тогда я сразу поставил себе задачу: сделать все, чтобы люди в командировках остались живы. Стремился к тому, чтобы все правильно поняли главное: они едут на Северный Кавказ не убивать, а навести порядок, принести туда мир. Я хотел, чтобы наши милиционеры всегда хорошо относились к населению Чечни.

Сначала отряды транспортной милиции Волго-Вятского

УВДТ базировались в Дагестане, в Махачкале. Затем география их действий стала расширяться: станции Ищерская, Наурская, Червленная, Червленная-Узловая, Гудермес... Эти, ранее мало кому известные географические названия, где базировался сводный отряд транспортной милиции региона, навсегда вошли в память тысяч людей.

...В августе 2001 года мы сидели с заместителем начальника Волго-Вятского управления внутренних дел на транспорте полковником милиции Александром Юферовым на штабеле шпал на станции Моздок, и он вспоминал, как все начиналось:

– Обстановка на железных дорогах Чечни в 1994-м году была очень сложной. Без охраны поездов ездить было уже невозможно: грузы на перегонах и станциях то и дело пытались грабить, причем большими, часто вооруженными группами. Нашим подразделениям была поставлена задача: сопровождать эшелоны с грузами от Махачкалы до Моздока, обеспечивать безопасность их доставки.

Валерий Мишинов, заместитель командира ОМО-На Волго-Вятского УВДТ, капитан милиции:

– Первая командировка на Северный Кавказ... Мы были маленькой группой всего из четырех человек, я – в звании сержанта, командиром – лейтенант Креховец. Прикомандировали нас к Северо-Кавказскому УВДТ в ЛОВД станции Махачкала. Задачу была поставлена так: с местным нарядом

сопровождать пассажирские поезда по маршруту Моздок – Минводы. Когда проезжали через Чечню, своими глазами видели начинавшийся здесь беспредел. У каждого второго чеченца были удостоверения какой-нибудь силовой структуры, чуть ли не все мужчины ходили с оружием. Грабежи на железных дорогах шли страшные. Идет, например, товарный поезд, и люди, как в гражданскую войну толпами нападают на него – с кошелками, на подводах, как махновцы. Даже цемент из вагонов воровали.

Эффект от нашей работы ощущался. Были задержания. Помню такой момент: выехали мы из Минвод, а в соседнем купе чеченцы, человека четыре, пассажиры, ехали до Гудермеса. Сделали им замечание за распитие спиртного: они сильно шумели. Вроде успокоились, а когда мы въехали в Чечню, они вдруг стали «выступать». Начались угрозы, что сбегает, позовем людей с оружием и всех вас уьем. С нами был наряд дагестанских милиционеров, человека два-три, и нас четверо. У дагестанцев был сотрудник, серьезный парень, хладнокровный. Когда мы сошли в Гудермесе, эти чеченцы выбежали на станцию, стали вопить, что русские милиционеры на них наезжают, угрожают. Через двадцать секунд на платформе образовалась толпа, и все с оружием. Ситуация выходила из-под контроля. Чеченцы, одетые кто как, стали хватать дагестанских милиционеров за оружие. Малейшая искра – и неизвестно, чем бы все закончилось. Мы приготовились к схватке, рассредоточились. Смотрю – Ва-

дим Захаров уже предохранитель на автомате снял. Нервы были на пределе. Сколько лет прошло, но все помню... Выручил в этой ситуации милиционер-дагестанец. Он выбежал из отделения милиции, по-своему переговорил с чеченцами в резкой форме и разрядил обстановку. Конфликт угас и мы нормально уехали.

Вспоминаю другой случай... Это было где-то за Кади-Юртом, на границе Дагестана и Чечни. Пошли мы с командиром Креховцом и милиционером-дагестанцем на станцию проверять документы и выявлять подозрительных личностей. Наш дагестанец ушел на станцию, вдруг прибегает проводник и кричит, что бьют сотрудника милиции. Мы с командиром выскочили, смотрим – толпа, не поймешь кто, человек пятнадцать, и между путями кого-то бьют. Присмотрелся – бьют человека в милицейской форме. Я снял с плеча автомат, и прикладом стал отбивать милиционера от толпы. Пробился к этому милиционеру, смотрю – на нем уже кто-то сидит сверху и душит. Прикладом прошелся ему по затылку – откатился. Вытащил милиционера из этой кучи. Он был дагестанец, милиционер. Мой командир, Андрей Григорьевич Креховец, вместе со мной, параллельным курсом, прорубался через толпу рядом. Несколько человек задержали, отвели в отдел. Но вели они себя нагло, угрожали потом расправиться. В этой командировке можно было легко получить нож в спину или пулю. Были там и нормальные чеченские ребята, они сами недоумевали, глядя на происходящее, никто еще

не знал, к чему приведет развитие обстановки в Чечне.

3. Сводный отряд

В начале 1995-го обстановка в Чечне потребовала принятия решения о создании и размещении на наиболее важных участках железных дорог сводных отрядов транспортной милиции. Один из таких отрядов формировался в Волго-Вятском УВДТ.

Владимир Доброгорский, генерал-майор милиции:

– Времени на подготовку к отправке было немного. Костяк сводного отряда составляли бойцы ОМОНа, они были лучше подготовлены, но часть из них – все же скорей теоретически, а не тактически. Поэтому договорился с командованием внутренних войск округа, чтобы на их полигоне подготовить наш отряд к практическим действиям в боевых условиях. Люди должны были привыкнуть к автоматам, гранатам, бронетранспортерам, вспомнить навыки ведения боевой стрельбы. И все же очень тяжело было отправлять своих подчиненных в регион, где вот-вот могла вспыхнуть настоящая война. Переживать за людей тогда, да и потом приходилось всегда много. Помню, как говорил перед строем на вокзале во время отправки эшелона: «Приказываю вернуться живыми».

Александр Юферов, заместитель начальника Вол-

го-вятского УВДТ, полковник милиции:

– Первым уехал отряд Сергея Панкратова. Только его отряд отправили, поступила команда срочно направить в этот район еще тридцать человек. Собрались тогда всего за три дня. Часть людей была из ОМОНа Волго-Вятского УВДТ, часть из отделов транспортной милиции со всей Горьковской железной дороги. Командиром этого отряда назначили Андрея Креховца. В дивизии особого назначения под Ростовом отряд довооружили. Сменили короткоствольные автоматы на более надежные, дополучили боеприпасы, подствольные гранатометы. Сначала отряд стоял на станции Червленой-Узловой, а потом, когда войска пробились дальше, в Гудермесе.

Александр Юферов дважды командовал сводным отрядом ГУВДТ МВД РФ. Награжден орденом Мужества и именным оружием.

В то время командировки в Чечню продолжались полтора месяца. Отряд Волго-Вятского УВДТ, костяк которого составил ОМОН «Ястреб», с первых дней у командования группировки был на добром счету. Каждый в отряде знал свое дело. Здесь не было ни ЧП, ни желающих пострелять просто так, как это случалось порой в других подразделениях.

Сергей Солин, старший лейтенант милиции, стар-

шина бронепоезда:

– Особенно мне запомнилось, как готовились к первой командировке. Никто из нас не знал, куда попадем служить. Для меня самым тяжелым моментом были провода, слезы родных. Когда приехали на место службы, сразу почувствовали атмосферу войны, она словно витала в воздухе. Кругом оружие, ящики с боеприпасами и снаряжением, беготня, грязь.

Периодически нас обстреливали из минометов. Стреляли по нам наугад, кто и откуда – мы не видели. Как бахнет неподалеку – земля под ногами ходуном. Ходили смотреть на воронки – по пять метров в диаметре. Это, конечно, впечатляло. Нырнешь в родной окопчик поглубже, и ничего, терпимо, жить и служить можно...

Сергей Солин – участник четырех командировок в составе отряда, награжден медалью «За отличие в охране общественного порядка».

Аркадий Уланов, младший лейтенант милиции, инструктор по боевой и физической подготовке ОМОН «Ястреб»:

– За два месяца до первой командировки на Северный Кавказ у меня родился ребенок. Но отказаться от поездки я не мог: служил тогда заместителем командира взвода, старшим прапорщиком. Ребята поедут, а я останусь дома? Для меня это было просто невозможно. У нас в отряде не было

таких, кого бы не взяли в командировку, кто бы мог подвести, не выполнить боевой задачи.

Сутками стояли в караулах на мостах через Терек. Часто думал о жене, ей тогда было тяжело одной с малышом. Ночами по расположению отряда стреляли, но вслепую, проверяли наши нервы. Напряжение было серьезным, но все выдержали.

Аркадий Уланов – участник четырех командировок. Награжден медалью «За отличие в охране общественного порядка» и медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени».

Сергей Пищерков, старший прапорщик милиции, старшина материальной группы отряда:

– Отправки на Северный Кавказ мы ждали несколько недель. Незадолго до первой командировки я был у родных в деревне. Меня нашли там по телефону. Помню ночной стук сестры в окно: «Тебе звонили из города, приказали срочно вернуться на службу!». С этой минуты у меня словно что-то оборвалось в душе. Пришли проститься соседи, родня, все в слезах: чувствовали, что эта командировка на Северный Кавказ – фактически на войну. На вокзале, когда провожали весь отряд, снова слезы женщин... Эмоционально все это было тяжело видеть.

Я считал себя хорошо подготовленным к действиям в экстремальных условиях, и единственное, чего боялся – как бы

ребята не заметили, что мне страшно. Первое время страх в душе все-таки был.

Ночью мы приехали на станцию Червленная-Узловая и меня со снайпером Андреем Великановым поставили на пост. Со всех сторон то и дело раздавались выстрелы, кто в кого и где стреляют – непонятно. Стоял на посту и до боли в глазах всматривался в темноту, чтобы не прозевать движение диверсантов. Думал, что смотрю на поле, а утром оказалось, что перед нашим постом – крутая гора. После службы в карауле рыл окопы, вгрызаясь лопатой в мерзлую землю. В эти минуты окончательно понял: мы фактически на войне.

Сергей Пищерков – участник шести командировок в составе отряда.

Олег Исаев, старший прапорщик милиции, младший инспектор по связи и специальной технике ОМОН «Ястреб»:

– До прихода в милицию я служил в 21-й бригаде быстрого развертывания внутренних войск, поэтому знал, что меня ждет в командировках на Северном Кавказе. Морально я был ко всему готов.

Жили мы все, около пятидесяти человек, в одном вагоне. Без света, в тесноте. Идешь по вагону – везде чьи-то ноги, оружие, боеприпасы, снаряжение.

К особенностям службы привыкли быстро. Минометные обстрелы были в основном у моста через Терек. Стреляли

по нам по графику: с двух до четырех часов дня. Несколько раз боевики обстреливали и станцию, но обходилось без потерь...

Олег Исаев – участник семи командировок в составе отряда.

Валерий Мишинов, капитан милиции, заместитель командира ОМОН «Ястреб»:

– Ехали мы в полнейшую неизвестность, вооруженные укороченными автоматами, в обычной милицейской форме, в неудобных ботинках. В дивизии особого назначения получили оружие, боеприпасы, короткоствольные автоматы заменили на АК-74. В первой партии было нас двадцать человек, все из ОМОНа. Через неделю, прибыл сводный отряд – десять человек из нашего отряда, и двадцать со всего Волго-Вятского региона. Всего нас был пятьдесят один человек. Все были хорошо подготовлены, но все равно постоянно тренировались, занимались тактикой, спецподготовкой. Пугала и будоражила неизвестность.

Задачу нам поставили: охранять и оборонять станцию Червленая-Узловая и мост стратегического значения через реку Терек. До нашего прибытия на станции стоял московский отряд. Чеченцы собирались этот мост подорвать, даже запускали сюда железнодорожный состав, начиненный взрывчаткой. Когда мы сюда приехали, весь мост был zagrożен составом, но цел. Сначала даже не было возможно-

сти вывести с моста вагоны. Они какое-то время препятствовали движению.

Едва мы заступили на охрану моста, сразу же стали закрываться в землю. А скоро по нам со стороны гор, из селения, с заброшенной фермы начали стрелять из минометов. Интересно было смотреть и слушать: хлопок, свист, взрыв. Пытались укрыться в этих окопчиках от разрывов. За мостом была чужая территория, и все, что так двигалось – чужое и опасное. Рядом с нами, если не считать наряда от железнодорожных войск с расчетом АГС и парочки пулеметов армейцев, никаких войск не было. Наш отряд в районе моста и станции фактически был единственной боевой единицей. Позже, через месяц, сюда подтянулись армейцы. Движения по мосту долго не было, по путям на станции ходил только маневровый тепловоз. Завалы вагонов долго не разбирали, потому что у командования просто руки не доходили до этого направления: наши войска как раз штурмовали Грозный.

Помню, что было много глупого азарта, романтики. Захватывающие были чувства, будоражащие.

Владимир Доброгорский, генерал-майор милиции:

– Связь с отрядом сначала была сложной, по междугородному телефону, но скоро наладилась и спецсвязь. Каждый день командир отряда докладывал мне об обстановке.

Приходилось решать вопросы снабжения отряда. Были проблемы с вооружением, экипировкой. Случалось, из отря-

да звонили: «Мы не можем решить этот вопрос». Приходилось искать выход здесь, в Нижнем Новгороде. Не было случая, чтобы мы не решали какой-нибудь вопрос.

Николай Афанасьев, в первых командировках – старшина отряда, затем фельдшер:

– К периодическим обстрелам привыкли быстро. Сначала было непонятно: мы стреляем или по нам? Первое время было не по себе от мысли, что какой-нибудь 14-летний пацан из местных жителей лучше некоторых из нас знает, что такое «Муха».

На мне в первой командировке были обязанности старшины. Надо было обеспечивать людей питанием, обмундированием. Пищу готовили на костре, сначала не всегда хватало продуктов. Особая забота была – баня. В полевых условиях завшиветь можно было элементарно. Помню, в пути на место назначения встретили на остановке солдата-срочника – еще посмеялись над ним, такой он был грязный. Через неделю мы были такие же... Надо было срочно решать проблему с баней. Сначала мылись под 60-тонной цистерной, прямо на путях. Дело было зимой, поэтому солдаты-срочники смотрели на нас в эти минуты, как на больных. Скоро у нас в отряде появилась своя, настоящая баня.

Николай Афанасьев – участник семи командировок в составе отряда. В 1996 году в экстремальных условиях доставил в отряд цистерну воды, за что награжден медалью

«За отвагу».

**Вадим Захаров, капитан милиции, взрывотехник
ОМОН «Ястреб»:**

– В той командировке было самое большое напряжение. Это сейчас все мы хорошо знаем, как надо себя держать. А тогда была неизвестность, многое в обстановке не понимали. Были среди нас и такие, кто хотел поиграть в войну, относился ко всему происходящему здесь с бравадой. У меня романтики нет. Знаю, что она приводит к жертвам. Жизнь одна. Не нужно проявлять инициативы, которая может привести к непредсказуемым последствиям для товарищей. Приказали – пошел, нет – сиди, жди приказа.

История в документах

Из характеристик Вадима Захарова:

«...Оружием владеет хорошо, занимается рукопашным боем. Смелый, дисциплинированный и грамотный сотрудник. В критической ситуации самообладания не теряет, способен принять правильное решение... Мужественный, грамотный, профессионально подготовленный сотрудник, требовательный командир. Много внимания уделяет обучению личного состава приемам и навыкам ведения боевых действий.

...23 мая 1995 года, находясь в наряде по охране и оборо-

не моста через Сунжу около 24 часов их пост был обстрелян из автоматического оружия со стороны гор. Захаров вместе с С. Смертиным выдвинулся на 300 метров в сторону от моста. Благодаря умелым действиям, перекрестным огнем огневая точка боевиков была подавлена. При прочесывании местности на склоне горы была обнаружена стрелковая позиция боевиков.

...В ночь с 23 на 24 мая 1995 года был старшим наряда по охране моста через Сунжу. При обстреле позиций противником организовал отпор со Смертиным. Обходным маневром под прикрытием железнодорожной насыпи выдвинулся на 300 метров в сторону села Драбанхи и оттуда открыл интенсивный огонь по противнику, находившемуся в 100 метрах и отвлек огонь на себя. Противник вынужден был скрыться в лесополосе».

Валерий Мишинов:

– Помню, как вскоре после прибытия на Терек поехали выполнять задачу, поставленную нам незнакомым генералом. Просто пришел к нам генерал и приказал собираться: «Поедем двумя группами». Одна группа, три человека, на бронетехнике, а другая на армейском бронепоезде, человек двадцать. Генерал поставил задачу бронепоезду: двигаться по ветке в сторону Кизляра. У него там планировались какие-то встречи с населением. Мы должны были быть боевым охранением генерала.

Спланировали наши действия в различных ситуациях: что будем делать, если нас блокируют, кому куда бежать в случае внезапного нападения. Наконец, выехали. Я был на БТР. Минут через 15—20 слышим с бронепоезда, что у них «проблемы». Подъехали к этому месту и видим: бандиты разобрали рельсы и поезд ушел под откос. Обошлось без жертв, но ощущение было неприятное, что попали в засаду. Хотя ждали всего, что угодно, в том числе и минирования. Генерал не учел, что бронепоезд могли не блокировать, а просто пустить под откос...

Вадим Захаров:

– Я слышал скрежет, что тормозим, а потом перевернулись вагоны. В такой ситуации, если бы бандиты были рядом, они из засады могли нас всех уничтожить. У кого-то были переломы ребер, ожоги, когда перевернулась теплушка с печкой.

После такой аварии было уже не до агитации. Случилось это все недалеко от селения. Провели разведку местности – ничего подозрительного. Пришли местные ребята: «Мы не против вас», чем-то помогли, или посочувствовали. На бронепоезде в отряд мы уже не доехали, вернулись на машине.

Валерий Мишинов:

– Полдня здесь провозились, пока восстанавливали рельсы, поднимали съехавший с платформы БМП. Подъехали сюда ремонтники, пермский ОМОН, армейцы. Приехали

на базу, перекусили, и на всю ночь в наряд на мост. Как раз морозец ударил, снежок мокрый выпал. Под утро все это подморозило. Сутки мы были на ногах. С продовольствием было еще плохо Готовили сами, на костре. Суп из концентрата ели литрами. Тушенку добавляли в котелок, полбанки. Съел – бежишь за добавкой.

Вадим Захаров:

– Я спал всегда в штанах и тельняшке. Сапоги стояли рядом с койкой, чтобы быстрее ноги сунуть. Неподалеку от нашего отряда стояли артиллеристы. Если они стреляли, мы сразу просыпались: «Это мы или по нам?» Потом привыкли. Однажды все проснулись от взрыва, соскочили с коек. Не поймем, что к чему. Я быстро выскочил, кто-то замешкался. Оказалось, что пришел эшелон из Чечни, на его платформах стояли БМП. С минарета, как потом оказалось, по этим БМП и стреляли. Во время вспыхнувшей стрельбы был убит офицер железнодорожных войск.

Валерий Мишинов:

– На следующий день после этой аварии, 29 января, к нам приехала подмога, тридцать человек, сводный отряд.

Потом были вылазки в горы. Однажды ходили нас восемь человек, пытались найти миномет, который по нам стрелял. Продирались через колючий кустарник, потом до конца командировки выковыривал колючки из куртки. Видели каких-то людей, может быть, чеченскую разведку – обходили нас с одной стороны. Пришлось быстро оттуда уходить в от-

ряд.

За первую командировку в горы ходил четыре раза. Два раза ходил со связистами, уже старшим сержантом. И один раз корректировщиком ведения огня, с солдатом. Я взял еще своего друга, как прикрытие, и – в горы. Залезли на вершушку, артиллеристы открыли огонь, и говорят по рации: «Пускай корректировщик работает!» Я солдатику говорю: «Работай, передавай координаты на свою батарею» – «А я не умею», – «Зачем же ты поперся в эти горы, если не умеешь?», – «Послали, я и пошел». «Весело», – думаю. Пришлось мне координировать огонь самому.

Стреляли артиллеристы по заброшенной ферме. После службы в армии у меня остались навыки корректировки огня. Вижу взрыв и корректирую: «Левее... Ближе...» Отработали по целям, и командир мне говорит: «Наблюдай, сейчас будут работать вертушки. Потом, доложишь, как они отработали». – «Есть». Наблюдаю за этой фермой, и вдруг ко мне дружок подбегает, которого я отсылал на это время тыл прикрывать. – «Смотри, на нас заходит!» Я разворачиваюсь с биноклем и вижу, как на нас заходит пара вертолетов. Они нас обнаружили и не знали, что это свои, тем более мы от наших позиций далеко ушли. Вот вертолетчики и решили нас обстрелять. Перед выходом Креховец дал мне опознавательный знак на всякий случай. Вижу – вертушка заходит. Думаю, может быть пронесет? Нет, не пронесло. Первая вертушка дала залп «эрэсами». Я вжал голову в плечи. Сзади

рвануло хорошо. Лежим втроем в маленькой ямке. Обозначил себя красным дымом, смотрю – второй вертолет на нас заходит, выпустил ракеты. Они ушли подальше, чем первый залп. Вертолеты улетели, а я слышу по радиии: «Ну, как вы там?». Я матом на весь эфир высказал, как мы себя чувствуем. После такого обстрела срочно вернулись на базу.

Ходили с саперами-армейцами ставить мины по лесам, на чужую территорию. Полазили много.

Обычно приходит Креховец и спрашивает: «Ты идешь со мной?» – «Иду». Сразу одеваюсь, не спрашивая, куда идти. На ходу он объясняет задачу. И так часто бывало: «Идешь?» – «Иду». Ходили в лес, ставили растяжки. Один раз надо было идти по горным дорогам прикрывать саперов, которые ставили мины.

Запомнилась еще одна операция... В горах тогда самолет разбился, Су-25. Когда убегали с горы, видели место его падения. Воронка большая, разметало останки самолета. А по данным разведки, документы из самолета попали в село к чеченцам. Нужно было забрать их и отдать руководству. Старший сводного отряда (ныне начальник Средне-Волжского УВДТ генерал-майор милиции Кириченко) поехал со своими самарскими ребятами, а мы должны были оставаться в качестве прикрытия. Высадили нас, человек десять, перед этим селом, разбежались в стороны, заняли оборону, а старший сводного отряда с группой сопровождения пошли в село на переговоры. Смотрю в оптику: вдалеке чу-

жой снайпер, меня рассматривает. Чувство интересное, когда на тебя смотрят в прицел. Тогда с чеченцами было очередное перемирие. Но нервы этот снайпер пощекотал. Документы с самолета тогда нашли.

4. Хрупкий мир

Едва сводный отряд транспортной милиции вернулся домой, как в Волго-Вятском УВДТ получили приказ: готовить людей к новой поездке на Северный Кавказ.

Александр Юферов, полковник милиции, заместитель начальника Волго-Вятского УВДТ:

– Первый раз в Чечню я приехал в 95-м году, когда контртеррористическая операция только начиналась. Все шло по плану, я знал заранее, что поеду командиром сводного отряда ГУВДТ МВД. Съездил в Москву, в министерстве встретился с первым командиром отряда, пообщались, поделились опытом, уточнили задачи. В 95-м году это была рядовая командировка в череде многих других. Командиром сводного отряда я был уже четвертым по счету, штаб его находился в Моздоке. Отряд нашего Волго-Вятского УВДТ стоял тогда на станции Гудермес, его командиром был Сергей Панкратов. А в сводном отряде народ подобрался со всей страны, от Санкт-Петербурга до Хабаровска, общая численность его составила 550 человек.

Валерий Мишинов:

– Вторая командировка была в мае-июне 95-го, тоже сорок пять суток. Тогда мы дислоцировались на станции Гу-

дермес. Это была самая спокойная командировка: накануне объявили очередное перемирие. Задача была: охрана станции и моста через Сунжу. Застава была почти не оборудована. Стоял состав из вагонов, без прикрытия. Ни плит, ни стрелковых позиций. Мы спокойно ходили по всему Гудермесу. Было ощущение, что наступил мир. Напряжение чувствовалось лишь, когда ходили в сторону рынка. Ходили не по одному, конечно, а группой человек по пять. Идем, и сразу нас окружает группа чеченцев, «вела». Состояние было, что ты под прицелом. В эти минуты от чеченцев можно было ожидать чего угодно.

Раз пять выезжали на подрывы железнодорожных путей в сторону Кади-Юрта. Этот участок был полностью неконтролируемый, наших войск там и в помине не было. Мы выезжали только на участки, где совершались диверсии. Бандиты то грузовой состав под откос пустят, то попытаются пассажирский поезд взорвать.

Командировка в феврале-марте 96-го – тоже Гудермес. Это были уже совсем другие условия службы: бетонные плиты, укрепления. Тогда мы много раз выезжали на зачистки местности после обстрелов, часто нас привлекала армейская разведка для прикрытия. Результаты были, особенно после совместной разведки с внутренними войсками. Выезжали и на операции. Планировали взять в заложники трех главрей преступных кланов, которые контролировали Гудермес, и дать армейцам возможность с ними поработать. Мы тогда

изъяли двоих и в дальнейшем их обменяли на пленных солдат. Когда мы появились в «Западном Берлине», (район Гудермеса), там был шок. Брали главарей бандитов без звука, спокойно.

Отряд был подготовлен хорошо, командованию 33-й бригады внутренних войск нравилось с нами работать. И мы, и они были довольны сотрудничеством.

В 96-м году получил первое офицерское звание, находясь в Чечне. Мы тогда с другом расставили ночной караул и легли отдыхать. Вдруг команда: «Подъем!» В вагоне никого, я выхожу сонный, встаю в строй, ничего не понимая. И командир Сергей Панкратов зачитывает приказ: «Прапорщику Мишинову присвоить звание «младший лейтенант». Назначили инспектором по боевой и физической подготовке отряда. У меня была своя группа, с которой выходили на охрану моста через Сунжу.

5. Необъявленная война

Служба бойцов сводного отряда Волго-Вятского УВДТ в Чечне шла своим чередом весь 1995 год. В определенное время люди в отряде меняли друг друга. Обстановка в мятежной республике в течение года оставалась сложной, несколько раз она менялась в пользу дудаевцев. Неоднократно незаконные вооруженные формирования в Чечне предпринимали попытки контратаковать с целью вытеснения российских войск за пределы республики.

Накануне Нового 1996-го года отряд Волго-Вятского управления внутренних дел на транспорте оказался блокированным боевиками Дудаева в Гудермесе. С его командиром, майором милиции Владимиром Мозолькиным, удалось встретиться сразу после возвращения.

– *Владимир Викторович, зона ответственности вашего отряда была...*

– Участок железной дороги от Гудермеса до Хасавюрта, мост через Сунжу. В отряде был 21 человек, все, кроме меня, в Чечне были впервые. Кроме нашего, в Гудермесе оказались еще отряды из Москвы, Мордовии и Чувашии.

– *Какой была обстановка перед тем, как вы попали в осаду?*

– Днем – спокойно, а по ночам нас обстреливали из гранатометов. Ответного огня мы не открывали. Днем в горо-

де часто можно было встретить чеченцев с автоматами. Мы их останавливали для проверки документов, но не задерживали: такой был приказ. Хотя все они были с зелеными повязками на головах, и автоматы на веревках. Когда я там находился в мае, порядка было больше, с оружием чеченцы не ходили, в декабре же – начался беспредел. В Гудермесе есть районы, куда мы и не совались. Да и в Грозном окраины контролируются дудаевцами полностью. Проехать боевикам в Гудермес и провезти оружие – не проблема, хотя блокпосты на дороге есть. Нас, когда мы туда ехали, проверяли люди из чеченского ОМОНа, все они были с зелеными повязками.

– *Как вы оказались в осаде?*

– Утром 14 декабря, только закончилась молитва, ее хорошо было слышно по громкоговорителям, нас обстреляли из гранатометов. Потом начался автоматный и пулеметный огонь. Окружили нас полностью. Укрылись мы не в здании вокзала, как об этом сообщали по радио, а в хладокомбинате. Было нас 130 человек плюс еще десять гражданских проводников и двенадцать солдат, сопровождавших грузы. Вагоны, в которых мы располагались, сожгли на второй день. Хорошо, что вовремя успели перенести в здание хладокомбината боеприпасы и продовольствие. Был и запас воды. Когда она кончилась, пришлось собирать снег. Обстреливали нас очень интенсивно, в том числе и из минометов. Против нас действовало около сотни чеченцев, мелкими группами.

Иногда они подбирались и на пятнадцать метров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.